

просвещению: «per ipsas Rationes omnia cognoscimus, quia per Deum omnia cognoscimus, et nihil cognoscimus certitudinaliter nisi per specialem illustrationem, nee alio modo habere possumus scientiam tertio modo dictam nisi per illustrationem Dei»* * * * *. Было бы чрезвычайно интересно узнать, полностью ли соответствует этому принципу философская критика Родингтона или только в определенной степени. Но в любом случае его заключения по данному вопросу сильно напоминают многие другие, исходя из которых в свое время на Аристотеля взглянул Аверроэс: невозможно доказать ни того, что Бог познаёт нечто помимо самого Себя, ни того, что Он «*infinitus in vigore*»* * * * * (хотя доводы Дунса Скота в пользу этого тезиса более основательны, чем доводы против него), ни того, что Он всемогущ, един, совершенен, творец *ex nihilo*. А поскольку доказательство существования Бога предполагает понятие сотворения, то нельзя доказать со всей очевидностью, что Бог существует. Здесь мы сталкиваемся с тем же самым принципиальным затруднением: упрямый (*protervus*) оппонент всегда мог бы оспорить возможность движения в бесконечность внутри причин одного порядка. Утомительная монотонность этих выводов поучитель-

Глава IX. Философия в XIV веке

468

на: нужно смиренно ее терпеть, если желаешь увидеть XIV век таким, каким он был на самом деле.

Гораздо сильнее был разочарован в философии Августин Уголин Мальбранш (*Augustin Hugolin Malebranche, Hugolinus Malabranca de Orvieto*), современник Джо-ванни из Рипы, автор еще одного до сих пор не изданного Комментария к «Сентенциям» Петра Ломбардского. Он считал философию сплетением заблуждений: «*philosophia proprie loquendo non est scientia sed mixtura falsoram*»*; философия использует для доказательств ложные средства — или просто вероятные, или неприложимые к их объекту, и поэтому ее выводы не могут совпасть с выводами теологии. Даже когда Аристотель говорит «*Deus est*»**, его высказывание имеет другой смысл, нежели у теолога, ибо последний понимает слово «*Deus*» как обозначение Троицы, а «*est*» — как обозначение бесконечности. Вся психология Аристотеля покоится на гипотезе, что душа — это пер-воматерия; следовательно, все сказанное им о душе становится ложным в силу ложности этой посылки. А что сказать о его концепции морали? Большей частью она ложна, а там, где верна, она лишена ценности, так как Аристотель знал лишь видимость добродетелей и не сумел указать истинных правил добра. Отсюда вывод: «*de «Ethica» dico quod superflua est fidelibus*»***. У верующих есть вера, и ее им достаточно. Правильно было замечено (К. Михальски), что эта критика философов непосредственно связана с положением Августина о просвещении. Прямо ссылаясь на св. Августина, которого он, впрочем, истолковывает как бы на другом языке, Уголин делает из самого Бога «*intellectus agens*»****, который просветляет наш интеллект и «*formaliter*»***** помогает ему. Это позволяет Уголину объяснить тот факт, что философы, несмотря ни на что, иногда говорили правильные вещи. Несомненно, они вдохновлялись Библией, но лучшее объяснение состоит в том, что они получили особое просвещение от Бога,

который открыл им эти истины. Заметим, что здесь Уголин следует Генриху Гентс-кому, как и в другом месте, где он говорит о свете, присущем теологу («*lumen theologicum*»*****). Так что творчество гентского учителя, воздействие которого мы обнаружим еще у августинца Фиц-Ральфа, испытавшего глубокое влияние учения Аверроэса, не было, как обычно считают, полностью забыто в XIV веке.